

Легко оклеветать, но какъ возразить?..

„Ибо вы подобно мухамъ,— говоритъ св. Іустинъ Философъ, — собираетесь и слетаетесь къ ранамъ. Если бы кто-нибудь прекрасно говорилъ о тысячѣ вещей, а сказалъ бы какую-нибудь малость, которая бы не понравилась вамъ или была бы непонятна для васъ, или не точна: тогда вы, (гг. колокольники), оставляя безъ вниманія многое превосходно сказанное, схватываете незначительное словечко и стараетесь представить его, какъ нечестіе и беззаконіе. Поэтому-то вы, судимые отъ Господа тѣмъ же самымъ судомъ, вы гораздо болѣе дадите отчета за свои великія дерзости— за худыя ли дѣла или за лживыя и превратныя толкованія ваши. Ибо справедливо судить васъ тѣмъ же судомъ, какимъ вы судите“ (Твор. его, стр. 317—318).

Пусть же эта замѣтка обличить или оправдаетъ меня, но во всякомъ случаѣ обнаружитъ истину.

И. Шурашовъ.

Волчьи слезы.

Горькими слезами обиженнаго ягненкомъ волка заливаются миссіонеръ архимандритъ Арсеній въ газетѣ „Колоколь“:

„...Свобода... Не чернилами, а слезами горькими приходится записывать впечатлѣнія отъ пресловутой свободы.

Только что вернулся изъ села Барвенково, Изюмскаго уѣзда, гдѣ слышалъ о вопляхъ несчастной жены, истязуемой извергомъ мужемъ—сектантомъ баптистомъ за то, что она остается православною. Уже нѣсколько разъ порывался сей „святой“ изрубить св. иконы и попалить въ печкѣ, но слезы жены останавливали злой замыселъ. Тѣло несчастной женщины, говорятъ, покрыто синяками отъ побоевъ жестокаго мужа, который такимъ способомъ хочетъ навязать ей „даровое спасеніе“.

— „Къ кому мнѣ обратиться? У кого искать защиты? Кто избавить меня отъ лютаго звѣря?“—Такъ вопила несчастная жертва „проклятой свободы“. Что ей сказать? Къ кому направить? Только остается одно: поплакать съ несчастною и указать на Того, Который сказалъ: наступаетъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу (Іоан. 16—2).

А подъ плачь и рыданія несчастной жены раздаются по Барвенкову льстивыя рѣчи лжепресвитера баптистовъ Гриненко о томъ, что настала часъ побѣды баптистовъ надъ православными, что не смѣютъ больше православные миссіонеры говорить о совращеніяхъ въ секту баптизма, иначе онъ, Гриненко, будетъ жаловаться министру и всѣхъ миссіонеровъ погонять изъ Барвенкова... Тяжело...“

Да, ужасно тяжело. Но вотъ вопросъ: если это—вамъ, гг. миссіонеры, то это „ужасно тяжело“, но если вы двѣсти лѣтъ слишкомъ какъ крово-

жадные звѣри терзали своего кровнаго брата старообрядца, то это, очевидно, „было отрадно“?... Не такъ ли?... Что-то не слышать было тогда вашихъ словъ—ни о „извергахъ“, ни о „истязателяхъ“... миссіонерахъ. А кричали вы тогда иначе: „раскольникамъ едино врачеваніе—смерть“. Такъ ужъ любите кататься, любите и саночки возить. Вѣдь сказано: отольются волку—овечьи слезки... Или, можетъ-быть, ваша психологія другого сорта? Вы, очевидно, живете по принципу диваря: „Если я кого убью, отберу его имущество и женъ—это добро, а если меня убьютъ, ограбятъ мое добро и женъ—это будетъ зло“. Не такъ ли?... Жгли, рѣзали, ссылали, по тюрьмамъ гноили старообрядцевъ—это добро, а вотъ сектантъ тѣснить супругу—это ужъ зло. И „извергъ“-то онъ, „истязатель“ и т. п.

Развѣ не чли вы: „мѣрю, которою мѣряли вы, отмѣрять и вамъ“. Развѣ не знаете вы: „чего ты не хочешь себѣ, не дѣлай другимъ“.

Вотъ вы жестоко чувствуете боль, которую вамъ причиняютъ сектанты, ну такъ научитесь не дѣлать ея сами другимъ. Бросьте жить по логикѣ готтентота. Пора... Пора образумиться и сознать свои ужасные грѣхи гоненій и раскаяться.

Но не туда глядятъ гг. миссіонеры. Они льютъ слезы... но только слезы крокодила.

Вотъ къ чему ведетъ свою рѣчь о. Арсеній:

„...Но не лучше и это. Въ г. Славянскѣ, Изюмскаго уѣзда, гдѣ мѣстныхъ баптистовъ двѣ семьи (4 души), нанять въ центрѣ города домъ не для молитвенныхъ только собраній, но и для изъясненія слова Божія, за приличную сумму 500 р. въ годъ (баптисты самые бѣдные люди—одинъ сапожникъ старьевщикъ, а другой простой чернорабочій). Для того, чтобы собрать законное число подписей 25 человекъ, на заявленіи, поданномъ изюмскому уѣздному исправнику, подписались 19 душъ баптистовъ пригороднаго села Ново-Славянска, которые имѣютъ уже у себя молитвенный домъ, разрѣшенный весной минувшаго года на томъ основаніи, что есть положенное число 25 душъ (на томъ заявленіи подписались баптисты г. Славянска). Выходитъ, что одна и та же группа, или вѣрнѣе шайка сектантовъ, открываетъ молитвенные дома въ нѣсколькихъ пунктахъ. Гражданская власть слѣдитъ пока только за тѣмъ, чтобы съ технической стороны помещеніе соответствовало. Что же это настало? До какихъ поръ будутъ морочить и народъ православный и власть предержащую всякаго рода шарлатаны?“

Вотъ она соль-то въ чемъ: до какихъ поръ не дадутъ гг. миссіонерамъ „расправиться“ съ сектантами. А какъ хочется!... Руки зудятъ... а правительство воли не даетъ. Эка бѣда-то!... Вотъ муки-то Тантала...

Но еще, оказывается: „...Это не все. Приходить ко мнѣ православный и, держа въ рукахъ газету „Русское Знамя“, въ слезахъ заявляетъ: до какихъ поръ намъ терпѣть? Возьмите, прочтите! Читаю корреспонденцію изъ Новочеркасска,

въ которой сообщается нѣчто невѣроятное. Сектанты баптисты хутора Рогожки искупали въ водѣ четыре собаки, надѣли имъ нагрудные кресты и, выгнавъ ихъ на улицу, съ насмѣшкой говорили православнымъ односельчанамъ: „Смотрите! Вотъ новокрещенные православные! Пріймите ихъ въ свое общество!..“

Нѣтъ, дальше терпѣть нельзя! Нѣтъ силъ“.

Видите ли: „терпѣть дальше нельзя“... Значить: погромчикъ надо устроить. „Кровоупсканьце вродѣ Павловскаго“. Вотъ къ чему льются слезы огорченнаго волка.

А дальше такъ прямо-таки призывъ, караемый (для нѣкоторыхъ,—но не миссіонеровъ) 129 ст. Угол. Улож.

„...Нѣтъ желанія оставаться на землѣ, гдѣ обитаютъ такіе изверги. Слезы душатъ... Сжимается грудь. Сердце кровью обливается... Въ пустыню бѣжать? Въ дебри лѣсовъ, къ дикимъ звѣрямъ? Да, тамъ, пожалуй, легче бы чувствовалось; тамъ такой раны не нанесутъ. Но опять-таки жаль оставить этихъ несчастныхъ, терзаемыхъ лютейшими звѣрями-сектантами. Жаль простецовъ, вѣровавшихъ и еще не потерявшихъ вѣры во Христа. Съ ними, вмѣстѣ съ ними, вмѣстѣ съ роднымъ, дорогимъ православнымъ народомъ, хочется испить горькую чашу до дна.

О, многострадальный крестonosецъ, православный народъ! За что такія тяжкія испытанія посылаются тебѣ? Ты понесъ на раменахъ своихъ татарское иго; ты изнывалъ подъ польскимъ ярмомъ; надъ тобой глумился еврей, запирая твои православные храмы; ты орошалъ родную землю слезами и кровью отъ бѣдъ и невзгодъ!

Теперь новое горшее лихолѣтье настало. Твои родные братья за презрѣнные грѣши продались на службу нѣмцамъ, жидамъ-масонамъ и разоряютъ тебя. Не убогую хижину твою жгутъ, не скотъ грабятъ, не поля опустошаютъ, а твою душу терзаютъ, твою вѣковую святыню ногами попираютъ. Плачь, рыдай, дорогой, родной русской народъ, и съ воплемъ зывай къ этимъ предателямъ:

Ахъ, жестокіе, неразумные братья, очнитесь! Вѣдь насъ одна мать св. Русь родила; насъ вскормила, вспоила родная русская земля. Зачѣмъ же вы на брата родного возстали? Зачѣмъ скорбь матери причинили? Зачѣмъ вѣрѣ православной измѣнили?

Прислушайтесь! То не горлица воркуетъ на древесныхъ вѣтвяхъ; то ваша мать Русь православная плачетъ о васъ—безпутныхъ дѣтяхъ... Остановитесь! Вернитесь! Вѣдь мы—ваши братья; порадуите плачущую мать!..

Иначе вѣчное проклятiе будетъ тяготѣть надъ вами и потомками вашими. Покайтесь, пока не поздно, и не надѣйтесь попустому на побѣду надъ православіемъ, ибо:

Не погибнемъ нынѣ мы—

Православія сыны;

Всякій врагъ у насъ былъ,

Но Россію не сразилъ...

И не сразить, ибо съ нами Богъ!“

Право, форменный призывъ къ погрому. И на самомъ дѣлѣ приходится сказать словами того же арх. Арсенія: „Что же это настало? До какихъ поръ будутъ морочить и народъ православный и власть предержащую всякаго рода (миссіонеры) шарлатаны? Доколѣ!?“

Да не подумаетъ читатель, что мы за „изверговъ сектантовъ“ стоимъ. Отнюдь нѣтъ. Если сектанты дѣйствительно такъ поступаютъ, какъ пишетъ миссіонеръ, то мы кромѣ порицанія имъ ничего не выскажемъ. И все, что здѣсь говорится миссіонерамъ, удобопримѣнимо будетъ и къ нимъ, но въ томъ-то и дѣло, что миссіонеръ по своей привычкѣ клевететь на нихъ. Это очень ясно видно и изъ самой статьи миссіонера, если присмотрѣться къ ея показаніямъ получше. Да и сектантовъ мы знаемъ: они враги насилія по принципу своего вѣроученія.

Вся эта буффонада миссіонера есть не что иное, какъ — призывъ, возбужденіе темной массы народа противъ сектантовъ.

Доколѣ же, Господи, Ты терпишь этимъ врагамъ челоуѣчества?

Н. Зенинъ.

Неужели и мы такіе?..

Глубокою скорбью завыло мое сердце, когда я прочиталъ въ № 30 журнала „Церковь“ на стр. 733—734 неизвѣстную корреспонденцію неизвѣстнаго автора о присоединеніи ко св. Христовой церкви башкира въ Уфимской губерніи.

Какъ жестоко мы страдали и настойчиво сѣтовали на несправедливость поступковъ духовенства госп. церкви, вѣнчавшихъ нашихъ братьевъ, уклонявшихся къ нимъ ради того, чтобы получить себѣ тамъ „новую жену“, бросивъ старую. Какъ жестоко больно намъ было видѣть страданія нашихъ сестеръ, брошенныхъ вѣроломными мужьями. И вдругъ и у насъ какъ будто то же самое: въ помянутой мною корреспонденціи какой-то, очевидно, не изъ числа осмотрительныхъ поповъ, достаточно порадовавшись на „искреннее“ познаніе истины христіанства Мухамедомъ Алигмузиновымъ, имъ присоединеннымъ „святымъ крещеніемъ“, вдругъ и прибавилъ ужасную вещь: ... а 29 апрѣля я его повѣнчалъ съ мѣщанкою г. Стерлитамака... но его жена магометанка осталась вѣрной исламу...

Что же случилось?.. Попъ истинно-христіанскій, іерей Божій, Церкви воистину православной, присоединилъ и женилъ отъ живой жены — магометанина. По какому это закону?.. По магометанскому — незачѣмъ крестить, по христіанскому — нельзя вѣнчать на другой... Блаженнѣйшій во апостолахъ Павелъ говоритъ въ посланіи къ Коринѣянамъ въ гл. VII, ст. 12: Аще который братъ имать жену невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея...